

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 104–111.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2026; 1 (90):104–111.

Научная статья
УДК 821.161.1-1.09«19»
DOI 10.37724/RSU.2026.90.1.010

Эпитетация смерти в поэтических текстах М. Цветаевой

Сергей Анатольевич Губанов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия
gubanov5@rambler.ru

Аннотация. Актуальность проводимого исследования связана с разработкой и применением когнитивно-семантического подхода к эпитетации. Новизна исследования заключается в том, что эпитетация рассматривается в качестве одного из ведущих механизмов метафорообразования в идиолекте М. Цветаевой. Целью статьи является описание направлений эпитетации концепта СМЕРТЬ в поэтических текстах М. Цветаевой. При проведении исследования в качестве источников эмпирического материала использованы Национальный корпус русского языка, «Словарь эпитетов русского литературного языка», «Словарь русского языка», «Философский словарь»; источником фактического материала выступило собрание сочинений поэта и словарь ее поэтического языка. В работе доказывается, что осмысление смерти в поэтических текстах М. Цветаевой представляет собой экзистенциальную, творческую проблему; земная жизнь понимается в качестве несовершенной и противопоставляется смерти, будущей жизни. Для полноты описания концепта были привлечены атрибутивы с корнем мертв-, которыми наделяются объекты внешнего мира. Когнитивной основой большинства атрибутивных конструкций выступает антропоморфная метафоризация и метонимизация. Когнитивным принципом эпитетации рассматриваемого концепта и эпитетации признаком «мертвый» выступает ассоциирование смерти с любовным чувством, с желаемым бытием. Смерть обладает зачастую большей ценностью, чем жизнь, наделяется аксиологическими признаками, становится центральным экзистенциалом для поэта, который диалектически переходит в жизнь: смерть — это и есть настоящая жизнь. Осмысление смерти поэтом в связи с понятием судьбы, проблема самоубийства определяет соматическое осмысление смерти в качестве субъекта, наделяемого признаками живого. Механизмы эпитетации концепта СМЕРТЬ выявляют главную идиолектную черту языка текстов М. Цветаевой — безграничную рефлексивность над семантикой слова, тенденцию к тотальному отождествлению реалий.

Ключевые слова: концепт СМЕРТЬ, Марина Цветаева, эпитетация, когнитивный блендинг, метафоризация, признак.

Для цитирования: Губанов С. А. Эпитетация смерти в поэтических текстах М. Цветаевой // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 104–111. DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.010.

Original article

Epithetation of death in M. Tsvetaeva's poetic texts

Sergey A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia
gubanov5@rambler.ru

Abstract. The relevance of the research is related to the development and application of the cognitive-semantic approach to the use of epithets. The novelty of the research consists of the fact that epithetation is considered as one of the leading mechanisms of metaphor formation in the Tsvetaeva's idiolect. The purpose of

the article is to describe the directions of epithetation of the *death* concept in M. Tsvetaeva's poetic texts. The following sources of empirical material were used in the research: the National Corpus of the Russian Language, the *Dictionary of epithets of the Russian literary language*, the *Dictionary of the Russian language*, the *Philosophical Dictionary*; the source of factual material was the poet's *Collected Works* and the *Dictionary of Marina Tsvetaeva's poetic language*. It is proved that the comprehension of the "death" concept in M. Tsvetaeva's poetic texts is an existential, creative problem; earthly life is understood as imperfect and is contrasted with death, the afterlife. To fully describe the concept, attributes with the root *dead-*, which are endowed with objects of the external world, were used. The cognitive basis of the majority of attributive constructions is anthropomorphic metaphorization and metonymization. The cognitive principle of the epithetation of the concept under consideration and the epithetation of the quality of "dead" is the association of death with love, with a desired existence. Death often has a greater value than life, is endowed with axiological attributes, becomes the central existential for the poet, who dialectically passes into life: death is real life. The poet's understanding of death in connection with the concept of fate, the problem of suicide determines the somatic understanding of death as a subject endowed with attributes of the living. The mechanisms of epithetation of the "death" concept reveal the main idiolectic feature of M. Tsvetaeva's speech — continuous reflection on the semantics of the word, the tendency to total identification of realities.

Keywords: concept of "death," Marina Tsvetaeva, epithetation, cognitive blending, metaphorization, attribute.

For citation: Gubanov S. A. Epithetation of death in M. Tsvetaeva's poetic texts. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2026; 1 (90):104–111. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.010.

Введение

Эпитетация представляет собой процесс наделения признаком объекта; в отличие от атрибутизации, включающей в себя логическую и субъективную характеристику, эпитетация всегда строится на индивидуальном выделении признака. Как справедливо отмечает Т. М. Фадеева, «объект, подвергающийся эпитетации, эксплицитно позиционирует субъективное видение, реализуя самим фактом создания новую интенцию. Таким образом, языковая личность, наделяя объект номинации эпитета признаком, выделяющим предмет из ряда подобных, реализует когнитивную сторону своей деятельности» [Фадеева, 2014, с. 37]. Эпитетация носит когнитивный характер, способствуя созданию картины мира, в которой объекты получают закрепленные за ними признаки, по которым субъект может узнавать их, оперировать с ними, оценивать их и т. д. В рамках художественного текста эпитетация ориентируется на то, что признаки, выделенные автором, нужны ему здесь и сейчас, поэтому создается временный образ объекта: «эстетическое начало, лежащее в основе языкового выбора, и ориентация на реципиента, прогнозируемый эффект воздействия определяют коммуникативную интенцию автора» [цит. по : Там же].

Предмет исследования составляет процесс наделения объекта признаком в идиолекте М. Цветаевой и когнитивный механизм формирования переносного значения эпитетного комплекса.

Целью исследования является описание основных метафорических моделей в процессе эпитетации экзистенциального концепта СМЕРТЬ в поэтических текстах М. Цветаевой. Также ставится задача установить взаимосвязанность признаков жизни и смерти, их пересечения в ценностном для поэта аспекте.

В качестве гипотезы высказывается предположение о том, что для идиолексикона М. Цветаевой характерна тенденция к всеобщему отождествлению реалий; одним из продуктивных способов вербализации такой установки выступает эпитетация объекта несвойственными ему признаками, равно как и распространение признака на нетипичные для его бытования объекты.

Методом сплошной выборки в поэтических текстах М. Цветаевой было выявлено 129 поэтических контекстов, содержащих лексику *смерть*. В поэтических текстах с опорой на данные ее поэтического словаря было выявлено 60 адъективных слов *смертный* и 72 единицы лексики *мертвый*.

Основу методики проводимого исследования составила совокупность лингвистических методов, среди которых когнитивно-семантический, лексико-семантический, концептуальной интеграции, лексикографический, количественного анализа языковых данных, а также метод сплошной выборки.

В качестве материала для описания процесса эпитетации концепта СМЕРТЬ выступили следующие источники. Для выявления узальной эпитетации привлекается «Словарь эпитетов русского литературного языка» [см.: Горбачевич, Хабло, 1979], данные коллокаций, лексической и синтаксической сочетаемости имени концепта основываются на материалах Национального

корпуса русского языка [НКРЯ], словарные значения берутся из «Словаря русского языка» [Словарь русского языка, 1999], а также из «Философского словаря» [Философский словарь, 1983]. Примеры из поэтических текстов М. Цветаевой анализировались и подсчитывались на основании «Словаря поэтического языка Марины Цветаевой» [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, 1999, 2001], а также собрания сочинений М. Цветаевой [Цветаева, 1994]. Особое внимание обращается на эволюцию состава эпитетов в современной речи (НКРЯ) по сравнению со словарем эпитетов русского языка второй половины прошлого века.

Теоретическую основу работы составили труды по стилистике художественной речи [см.: Арнольд, 2002 ; Булахова, Сковородников, 2017], дистрибутивной и комбинаторной теории атрибутивности [см.: Гращенков, Лютикова, 2018 ; Виноградова, 2021], когнитивной лингвистике [см.: Арутюнова, 1988] и когнитивной эпитетологии [см.: Губанов, 2025].

Основная часть

Эпитетация как когнитивный процесс

Природа эпитетации исследуется различными направлениями лингвистики. С точки зрения стилистики текста, эпитет обращен к подчеркиванию определенного признака предмета или выделению нового, с позиции автора высказывания, значимого для познания его сущности [см.: Фадеева, 2014]. Когнитивный взгляд на эпитетацию затрагивает более глубокие механизмы образования переносного смысла признаков слов. Метонимический эпитет (перенесенный, в терминологии стилистики и поэтики) основан, с позиции теории концептуальной интеграции, принимаемой в настоящей работе за основу методики анализа эпитетации, на пересечении смежных признаков, поскольку сами объекты находятся в отношениях смежности, семантической близости. Метафорический эпитет (переносный) основан на ассоциативном наведении признаков далеких объектов, вследствие чего эффект от такого переноса наиболее заметен. Оба типа эпитета конструируются на основе блендинга, наложения признаков и формирования временного образа [см.: Fauconnier, 1994].

Специфика идиолексикона М. Цветаевой

Специфика поэтического слова М. Цветаевой настолько своеобразна и неисчерпаема, что привлекает к себе пристальное внимание ученых [см.: Ревзина, 1999 ; Громова, 2010 ; Ляпон, 2010 ; Зубова, 2017 ; Губанов, 2025]. Среди основных черт ее идиолекта называются языковая рефлексия, синкретичность языка, антонимичность, предельная эмоциональность и т. д. Л. В. Зубова, рассуждая о синкретичности языка поэта, различает лексический синкретизм — совмещение в значении слова нескольких значений: прямого и переносного (интересно отметить анализ ею эпитета *лихой*, в значении которого сталкиваются смыслы «смелый» и «причиняющий вред»), архаического и современного (эпитет *праведный и правый*), русского и иноязычного, и морфологический синкретизм. О последнем она пишет: «“Предельность” языка поэзии Цветаевой определяет повышенный интерес этого поэта к пограничным грамматическим явлениям: к формам, синкретичным по природе, например к аппозитивным сочетаниям, причастиям и деепричастиям, падежной полисемии, а также к формам, поддающимся грамматической трансформации, например субстантивированным прилагательным, причастиям, наречиям, адвербиализованным предлогам и т. д.» [Зубова, 2017, с. 225].

О. Г. Ревзина, говоря о природе метафорического мышления М. Цветаевой, замечает, что ситуативные метафоры допускают ничем не ограничиваемое разнообразие образов и точек зрения (*тысячегрудая... могила братская*); но и неситуативные метафоры «могут полагать в качестве конститутивного разные признаки» [Ревзина, 1999, с. 11]. Подобная неограниченность имеет, как было замечено, две модели. Одна предполагает, что признаки присущи объекту, пусть гипотетически, поэтому на основе метонимии или метафоры возможно актуализировать их и приписать объекту, моделируя временный образ. Другая же модель подразумевает принципиальное отсутствие в когнитивной матрице описываемого объекта данного признака: он вообще не свойствен ему, что порождает поэтические метаморфозы, или метафоры-загадки. Исследователь отмечает, что «Цветаева использует уже проявленные возможности, представля-

емые русским языком для вербализации метафорического мышления... а также создает и не использованные прежде структурные модели [Ревзина, 1999, с. 5]. В данном случае актуально обращение к когнитивному осмыслению причин природы подобной работы над словом.

Концепт СМЕРТЬ и его осмысление в русском языке

Смерть является экзистенциальным концептом, без которого невозможно представить мировоззрение человека. Осмыслить данный феномен пытается как философия, так и наука и, конечно же, язык. Смерть понимается как естественный конец живого существа. Человек, в отличие от всех других живых существ, сознает свою смертность (так она определяется в «Философском словаре» [Философский словарь, 1983]). В религиозном смысле согласно христианскому учению смерть воспринимается как исход, распространяющийся на тело, но не на душу: жизнь после смерти осознается в диалоге с Богом, представляется в качестве ада или рая; в буддизме смерть и жизнь, небытие и бытие как таковые отсутствуют, есть лишь бесконечное перерождение на пути к нирване. Философы-экзистенциалисты, представители философии жизни (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр) отводят более значимую роль смерти как важному рубежу в осмыслении смысла жизни. В русском языковом сознании смерть понимается противоречиво, о чем пойдет речь ниже.

«Словарь русского языка» полно раскрывает языковое понимание феномена смерти: «1. *Биол.* Прекращение жизнедеятельности организма и гибель его. 2. Прекращение существования человека, животного. *Скоропостижная смерть. Ранняя смерть*» [Словарь русского языка, 1999, т. 4].

Обратимся к эпитетации концепта СМЕРТЬ в языке. «Словарь эпитетов русского литературного языка» дифференцирует эпитеты лексемы *смерть* по следующим признакам:

1) о времени наступления смерти; о ее неизбежности (24 эпитета): *безвременная, близкая, верная, внезапная, медленная, неминуемая, поздняя, ранняя, скоропостижная, случайная* и др.;

2) о причине смерти, характере ее протекания; об оценке смерти (43 эпитета): *героическая, глупая, загадочная, нелепая, одинокая, славная, страшная, тихая, холодная, честная* и др. [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 409].

Как видно из состава групп эпитетов, для русского сознания смерть понимается как прекращение физического существования человека, она неизбежна, неотвратима, причем большинство эпитетов указывают на внезапность смерти, ее скоротечность (*неминуемая, преждевременная, скоротечная*). Оценочные эпитеты смерти носят, с одной стороны, антропоморфный характер, указывая на состояние человека при смерти и распространяя этот признак на саму смерть как абстракцию (*одинокая, страшная*), с другой стороны, смерть имеет эмпирические признаки (*тихая, тяжелая, холодная*), социальную отнесенность (*героическая, позорная, праведная*). Несмотря на ограниченный круг эпитетов (эпитетация жизни представлена более 250 эпитетами), смерть получает различные как положительные, так и отрицательные характеристики.

Прилагательное *смертный* развивает в русском языке значения: «подверженный смерти, такой, который не может жить вечно»; «такой, который может или должен привести к смерти, вызвать смерть (*смертный приговор*)»; «крайний, предельный в своем проявлении; смертельный (*смертная скука*)» [см.: Словарь русского языка, 1999, т. 4].

Также семантически связанным с данным концептом прилагательным является лексема *мертвый*. В словаре русского литературного языка *мертвый* имеет следующие значения: «1. Такой, который умер, лишился жизни; *противоп.* живой. 2. Такой, как у мертвеца; безжизненный. 3. *перен.* Лишенный признаков жизни; бесплодный, пустынный. *Мертвая* пустыня. 4. *перен.* Далекий от жизни; бесплодный, бесполезный. 5. Не нарушаемый звуками; безмолвный» [Словарь русского языка, 1999, т. 2].

Обратим особое внимание на переносные значения прилагательного: закрепленные в речевой практике и не воспринимаемые в качестве метафорических (*мертвая пустыня*), такие употребления присутствуют в текстах М. Цветаевой как общепозитические выражения, но, что самое важное, получают свое продолжение в виде расширения сферы-источника метафоризации, о чем пойдет речь ниже.

Национальный корпус русского языка портретирует лексему *смерть* в аспекте узуальной эпитетации следующим образом (приводятся эпитеты в порядке убывания частотности): *голодный, насильственный, мученический, внезапный, преждевременный, верный, скоропостижный, естественный, неминуемый, мучительный* [НКРЯ]. Заметна эпитетация смерти с позиции причиняемых

ей страданий, а также вновь указывается на ее неотвратимость. Сочиненные с лексемой *смерть* существительные — те, с которыми она чаще всего сочетается в речи, — представляют собой номинации ситуаций смерти, ее атрибутов и восприятия смерти как страшного явления: *разрушение, похороны, болезнь, страдание, гибель, ад*. Впрочем, присутствуют и лексемы *жизнь, воскресение, рождение*, что указывает на диалектическое единство жизни и смерти [НКРЯ].

Как видно из примеров эпитетов смерти в различных языковых источниках, смерть воспринимается в русском языковом сознании в качестве неотвратимого начала, связанного с мучениями; значение славной, героической, праведной смерти, зафиксированное в словаре эпитетов второй половины прошлого века, отходит на второй план.

Эпитетация смерти в поэзии М. Цветаевой

Необходимо отметить активное употребление в текстах М. Цветаевой концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, а также эпитетов, вербализующих данные концептуальные смыслы: *живой, мертвый, смертный* и др. Авторское оригинальное осмысление данных экзистенциалов проявляется на уровне семантики и языка, что находит отражение в исследованиях, посвященных поэтике текстов М. Цветаевой [см.: Дзюба, 2001, 2005]. Е. В. Дзюба в своих работах показала, что «индивидуально-авторское осмысление смерти осуществляется в направлении конкретизации общего понятия мортального процесса и образного представления данной субстанции, а также актуализации пространственно-временных, перцептивных и аксиологических параметров смерти» [Она же, 2005, с. 184]. Жизнь и смерть предстают неразрывными началами, переходя друг в друга: «в зрелом творчестве М. Цветаевой намечается поэтика «уравнивания противоположных сущностей» [Там же, с. 186]. Оригинальными номинациями локуса смерти являются образы пустоты, бездны, дыры. Тяготение к смерти, самоубийству во многом определялось как личностными переживаниями поэта, так и являлось рефлексией на философию А. Шопенгауэра и Н. Бердяева; идея вторичности земной жизни и ценности смерти (на войне за белое движение, во имя любимого, как ощущения одиночества, покинутости в эмиграции и т. д.), смерти как основы дальнейшей жизни обусловлена особым восприятием мира, разделенного на быт и бытие. В позднем творчестве часто смерть эвфемизируется, заменяется иными словами, ощущается ее близость. В. А. Маслова резюмирует: «Тот свет у М. Цветаевой — свет смерти, который стал самым сильным чувством в ее “роковом” я» [Маслова, 2004, с. 122].

Уместно вспомнить суждение поэта относительно принципа творчества, выраженного в формуле: «Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою, *отождествись или отождестви. Всегда — иноскажи*» [цит. по: Цветаева, 1997, с. 329]. Эта установка во многом определяет сущность сложного языка поэта, основанного на ассоциациях.

На основе данных словаря поэтического языка М. Цветаевой было выявлено 129 упоминаний слова *смерть* [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, 2001, с. 497–501], 60 единиц эпитета *смертный*, один эпитет *смертолюбивый* и два эпитета *смертоносный* [Там же, с. 495–497].

Отношение к жизни и смерти поэт высказал так: «*Жизнь и смерть* давно беру в кавычки... / <...> / *Жизнь и смерть* произношу с усмешкой... / *Жизнь и смерть* произношу со сноской» (т. 3, с. 133)¹.

Смерть находит свое ассоциативное сходство со следующими объектами, имеющими эпитетацию:

- 1) антропоморфную: «Порою *смерть* — как будто ласка, / Порою жить — почти неловко!» (т. 1, с. 77); «*Смерть* — это так... / Недодышанный вздох, / Недокрикнутый крик» (т. 1, с. 555);
- 2) натурфактную: «Зарево: двойная *смерть*» (т. 1, с. 384);
- 3) фитоморфную: «На розовых устах высокопарных, — / Вся та же *смерть* из розовых семян!» (т. 1, с. 476); «Где отступает Любовь, / Там подступает *Смерть*-садовница» (т. 1, с. 547); «*Смерть* — это так... / Недовязанный сноп» (т. 1, с. 555);
- 4) зооморфную: «А настигнет *смерть*-волчица — / Весь я тут — вся недолга!» (т. 1, с. 446);
- 5) артефактную: «*Смерть* — это так: / Недостроенный дом» (т. 1, с. 555).

¹ Здесь и далее тексты М. Цветаевой цит. по: [Цветаева, 1994] с указанием тома и страницы; курсив в цитатах наш. — С. Г.

Несмотря на сравнительно небольшое число эпитетных комплексов с объектом эпитетации смерти, можно сделать вывод о разнонаправленности такой эпитетации: смерть отождествляется с различными объектами на когнитивной основе блендирования признаков сферы-цели (смерть) и сферы-донора (эпитета), осознаваемых в качестве метафорически родственных, причем в роли эпитета часто выступают субстантивы (садовница, дом, зарево).

Направления эпитетации признаками мертвый и смертный в поэзии М. Цветаевой

Эпитет *смертный* со значением «относящийся к смерти» зафиксирован в поэзии М. Цветаевой 26 раз [см.: Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, 2001, с. 495]; в значении «такой, который должен когда-нибудь умереть» — 21 раз [Там же, с. 496], «лишающий жизни, приводящий к смерти» имеет 8 употреблений [Там же, с. 496–497]; другие эпитеты имеют значение «крайний, предельный» — 5 единиц [Там же, с. 497]. С эпитетом *смертный* в основном сочетаются объекты, относящиеся к человеку, его чувствам, физиологическим состояниям, сопровождающим ощущение предела, ассоциируемое со смертью: «Страстный стон, смертный стон... / <...> / Страстный пот, смертный пот» (т. 1, с. 394); «Ревнует смертная любовь. / Другая — радуется хору» (т. 1, с. 299).

По данным поэтического словаря М. Цветаевой, эпитет *мертвый* в первом словарном значении «умерший, лишенный жизни» встречается в поэтических текстах 58 раз [см.: Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, 1999, с. 74–76], тогда как в переносном «лишенный жизненности, оживления» — 14 [Там же, с. 76–77]. Несмотря на это, основные смыслы, отражающие понимание мертвенности как лишения жизненной силы, заключены именно в этих переносных эпитетах.

Эпитетация метонимического характера наблюдается в тех случаях, когда признаком *мертвый* наделяется человек и часть его тела: «Мертвой раковиной / Губы на губах» (т. 3, с. 49); «Правый бок как мертвый» (т. 3, с. 33). Несмотря на яркую метафоричность — уподобление губ раковине, — перед нами метонимическое обозначение мертвого человека средствами эпитета.

Эпитетация метафорического характера усматривается при анализе переноса признака на природный объект: «Так же, как мертвый лес / Зелен — минуту чрез!» (т. 2, с. 360) (превращение смерти в жизнь, их единство, о чем было выше упомянуто), на артефакт: «На груди у меня — мертвой грудью — / целый город, сошедший с ума!» (т. 1, с. 368), на абстрактное понятие: «А над городом — мертвою глыбой — / Сладострастье, вечерний звон» (там же); «Мчись / Над метрическими — мертвыми — / Лжесвидетельствами — свист!» (т. 2, с. 177). Механизм эпитетации в данном случае состоит в наложении признака *мертвый* на тот объект, в котором, по мнению автора, он может присутствовать. Принципиальное отсутствие ограничений в наборе объектов эпитетации, сферы, на которую направлено распространение признака, делает язык М. Цветаевой уникальным: так, становятся мертвыми сладострастие и лжесвидетельства.

Анализ метафоризации признака *мертвый* в поэтических текстах М. Цветаевой показал специфику эпитетации поэта, заключающуюся в неограниченности объектов метафоризации, связанной с эстетической установкой отождествления всего со всем.

Заключение

Эпитетация представляет собой когнитивный процесс взаимодействия ментальных пространств двух объектов на основе общности их признаков, в результате чего образуется блендированный эпитет. На материале базовых для творчества креативной личности концептов удастся выявить основные направления эпитетации, понять принципы и механизмы такого блендирования.

М. Цветаева при эпитетации смерти пользуется различными приемами актуализации признаков диалектической противоречивости данного понятия, его связи с жизнью, осмысления как явления, большего, чем жизнь, как основы для творчества, любви.

Эпитетация средствами признаков *мертвый* и *смертный* в поэзии М. Цветаевой убеждает в активной реализации тотальной атрибутизации объектов от частей тела человека до природных объектов и абстракций, в том числе самой смерти.

Список источников

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. — М. : Флинта : Наука, 2002. — 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М. : Наука, 1988. — 338 с.
3. Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. — 2017. — № 2 (9). — С. 122–143.
4. Виноградова С. А. Пластичность семантики признаков слов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». — 2021. — № 4 (71). — С. 30–38.
5. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. — Л. : Наука, 1979. — 567 с.
6. Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. — 2018. — № 4. — С. 9–33.
7. Громова А. В. Выразительный потенциал имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах эпитетного типа (на материале поэзии М. И. Цветаевой) // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — Вып. 6 (96). — С. 46–49.
8. Губанов С. А. Эпитетный комплекс в прозе М. Цветаевой: лингвистические механизмы образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. «Филология, педагогика, психология». — 2025. — Вып. 1. — С. 56–65.
9. Дзюба Е. В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Екатеринбург, 2001. — 21 с.
10. Дзюба Е. В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М. Цветаевой // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. — 2005. — № 15. — С. 181–189.
11. Зубова Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой. — СПб. : Геликон-Плюс, 2017. — 544 с.
12. Япон М. В. Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. — М. : Языки славян. культур, 2010. — 528 с.
13. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2004. — 256 с.
14. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). — URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.09.2025).
15. Ревзина О. Г. Метафора в поэтическом идиолекте Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. — М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. — Т. 3, кн. 1. — С. 5–30.
16. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. — М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004. — Т. 3, кн. 1. — 1999. — 640 с. ; Т. 4, кн. 1. — 2001. — 672 с.
17. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1999. — Т. 2. — 736 с. ; Т. 4. — 797 с. — URL : <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.09.2025).
18. Фадеева Т. М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка. — М. : ИИУ МГОУ, 2014. — 350 с.
19. Философский словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева. — М. : Сов. энцикл., 1983. — 840 с.
20. Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. — М. : Эллис-Лак, 1994. — Т. 1. — 640 с. ; Т. 2. — 592 с. ; Т. 3. — 816 с.
21. Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради. — М. : Эллис-Лак, 1997. — 640 с.
22. Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. — Cambridge Univ. Press, 1994. — 190 p.

References

1. Arnold I. V. Stylistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk [Stylistics. Modern English]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2002, 384 p. (In Russian)
2. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 338 p. (In Russian)
3. Bulakhova N. P., Skovorodnikov A. P. On the Definition of the concept of epithet (preparation for a functional characteristic). *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice]. 2017, iss. 2 (9), pp. 122–143. (In Russian)
4. Vinogradova S. A. Plasticity of the semantics of attribute words. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Filologiya"* [Bulletin of Tver State University. Ser. "Philology"]. 2021, iss. 4 (71), pp. 30–38. (In Russian)
5. Gorbachevich K. S., Khablo E. P. *Slovar epitetov russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Epithets of the Russian Literary Language]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 567 p. (In Russian)

6. Grashchenkov P. V., Lyutikova E. A. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation. *Rhema* [Rheme]. 2018, iss. 4, pp. 9–33. (In Russian)
7. Gromova A. V. Expressive potential of adjectives in attributive regulatory structures of the epithet type (based on M. I. Tsvetaeva's poetry). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2010, iss. 6 (96), pp. 46–49. (In Russian)
8. Gubanov S. A. Epithet complex in the prose of M. Tsvetaeva: linguistic mechanisms of formation. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Ser. "Filologiya, pedagogika, psikhologiya"* [Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Ser. "Philology, Pedagogy, Psychology"]. 2025, iss. 1, pp. 56–65. (In Russian)
9. Dzyuba E. V. *Kontsepty zhizn i smert v poezii M. I. Tsvetayevoy* [Concepts of life and death in the poetry of M. I. Tsvetaeva]: abstract of diss. ... of candidate of philology: 10.02.01. Yekaterinburg, 2001, 21 p. (In Russian)
10. Dzyuba E. V. Concepts of life and death in the poetry of M. Tsvetaeva. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika* [Bulletin of Ural State Pedagogical University. Linguistics]. 2005, iss. 15, pp. 181–189. (In Russian)
11. Zubova L. V. *Poeticheskiy yazyk Mariny Tsvetayevoy* [The Poetic Language of Marina Tsvetaeva]. St. Petersburg, Gelikon-Plus Publ., 2017, 544 p. (In Russian)
12. Lyapon M. V. *Proza Tsvetayevoy: Opyt rekonstruktsii rechevogo portreta avtora* [Tsvetaeva's Prose: an attempt to reconstruct the author's speech portrait]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2010, 528 p. (In Russian)
13. Maslova V. A. *Poet i kultura: kontseptosfera Mariny Tsvetayevoy: ucheb. posobiye* [Poet and culture: Marina Tsvetaeva's conceptual sphere: A study guide]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2004, 256 p. (In Russian)
14. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka (NKRYa)* [National Corpus of the Russian Language (NCRL)]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 10.09.2025). (In Russian)
15. Revzina O. G. Metaphor in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva. *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetayevoy: v 4 t.* [Dictionary of Marina Tsvetaeva's poetic language: in 4 vols.]. Moscow, Marina Tsvetaeva House-Museum Publ., 1999, vol. 3, bk. 1, pp. 5–30. (In Russian)
16. *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetayevoy: v 4 t.* [Dictionary of Marina Tsvetaeva's poetic language: in 4 vols.]. Moscow, Marina Tsvetaeva House-Museum Publ., 1996–2004, vol. 3, bk. 1, 1999, 640 p.; vol. 4, bk. 1, 2001, 672 p. (In Russian)
17. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Ed. by A. P. Evgenyeva. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1999, vol. 2, 736 p.; vol. 4, 797 p. Available at: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 10.09.2025). (In Russian)
18. Fadeeva T. M. *Slozhnyy epitet v khudozhestvennom prostranstve russkogo yazyka* [Compound epithet in the artistic space of the Russian language]. Moscow, IJU MGOU Publ., 2014, 350 p. (In Russian)
19. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Ed. by L. F. Ilychev, P. N. Fedoseyev. Moscow, Sovetskaya Encyclopedia Publ., 1983, 840 p. (In Russian)
20. Tsvetaeva M. I. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Ellis-Lak Publ., 1994, vol. 1, 640 p.; vol. 2, 592 p.; vol. 3, 816 p. (In Russian)
21. Tsvetaeva M. I. *Neizdannoye. Svodnyye tetradi* [Unpublished works. Summary notebooks]. Moscow, Ellis-Luck Publ., 1997, 640 p. (In Russian)
22. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge Univ. Press, 1994, 190 p.

Информация об авторе

Губанов Сергей Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики.

Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, когнитивная поэтика, стилистика, цветаеведение, метафорология, теория коммуникации.

Information about the author

Gubanov Sergey Anatolyevich — doctor of philology, professor of the department of philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics.

Research interests: cognitive linguistics, cognitive poetics, stylistics, Tsvetaeva studies, metaphorology, communication theory.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; принята к публикации 20.10.2025.

The article was submitted 10.09.2025; accepted for publication 20.10.2025.